

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Часовой
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой
УЖАСЫ Часовой
(Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Часовой (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

В заброшенном бункере просыпается древний механизм, который веками удерживал под землёй нечто, способное стереть цивилизацию. Когда система защиты даёт сбой, на охоту выходит «часовой» — безликая машина, которая не различает друзей и врагов. Спецгруппа, отправленная на локализацию угрозы, быстро понимает: это не просто робот, а идеальный охотник, читающий малейшие движения и предсказывающий тактику противника.

Александр Восьмой

УЖАСЫ Часовой (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Сигнал из мёртвой зоны»

Радиоэфир трещал, будто кто-то скреб ногтями по стеклу. Майор Громов стиснул зубы и взгляделся в мерцающую карту на планшете: красная точка пульсировала ровно в центре «мёртвой зоны» — участка, который уже десять лет значился в отчётах как полностью обесточенный и безопасный. Безопасный. Это слово теперь звучало как насмешка.

— Повторяю: импульс был. Короткий, но мощный. Как удар сердца после клинической смерти, — голос лейтенанта Соколова из тыла звучал напряжённо, будто он сам не верил собственным словам. — Ни помех, ни ложного срабатывания. Датчик зафиксировал всплеск энергии в бункере «Объект-7».

Громов молча кивнул, хотя его никто не мог видеть. Он знал этот бункер. Видел его на старых снимках: массивные гермодвери, покрытые коркой ржавчины, коридоры, где даже пыль казалась застывшей во времени. Там не должно было быть ничего живого. И уж точно — никакой энергии.

Но импульс был.

Колонна броневиков замерла у края выжженного поля. Зброшенная территория вокруг бункера выглядела так, словно сама земля здесь постарела раньше срока: трава — серая, ломкая, будто пепел; деревья — искривлённые, с ветвями, тянущимися к небу, как когти. Даже воздух казался густым, тяжёлым, будто пропитанным древним страхом.

— Выдвигаемся, — коротко бросил Громов, застёгивая шлем. — Держим дистанцию, работаем по секторам. Никаких лишних движений.

Группа двинулась вперёд, и тишина накрыла их, как плотный саван. Она была не просто отсутствием звуков — она давила, обволакивала, заставляла каждый шаг звучать громче, чем следовало. Громов чувствовал, как по спине ползёт холодок, не имеющий ничего общего с промозглым ветром.

Вход в бункер встретил их покосившейся гермодверью, наполовину вросшей в землю. Металл был покрыт странными бороздами — не следами коррозии, а чем-то похожим на глубокие царапины, будто кто-то пытался вырваться изнутри. Или, наоборот, проникнуть внутрь.

— Это не ржавчина, — тихо пробормотал сапёр Волков, проводя перчаткой по одной из борозд. — Это... следы. Будто чем-то острым водили. Много раз.

Громов не ответил. Его взгляд зацепился за едва заметное свечение в щели между створками. Слабое, пульсирующее, как тусклый зрачок в темноте.

— Тепловизор ничего не показывает, — доложил снайпер Карпов, взглядываясь в окуляр. — Но датчики фиксируют аномалию. Температура внутри ниже, чем снаружи. Это невозможно.

Невозможно. Ещё одно слово, которое сегодня теряло смысл.

Они вошли.

Гермодверь со стоном поддалась, и группа оказалась в тамбуре — узком, тесном, пропахшем сыростью и чем-то ещё, чем-то металлическим, будто здесь когда-то проливали кровь. Свет фонарей выхватывал из темноты облупившиеся стены, ржавые трубы, свисающие провода, похожие на высохшие вены.

И вдруг — тишина. Не та, что была снаружи, а абсолютная, мёртвая тишина, в которой даже собственное дыхание казалось кошунственным. Фонари мигнули и погасли. На секунду. Ровно на столько, чтобы каждый успел почувствовать, как мир вокруг сдвинулся на миллиметр, изменив правила игры.

Когда свет вернулся, в дальнем конце коридора что-то шевельнулось. Не тень. Не игра света. Что-то плотное, массивное, лишённое человеческих очертаний. Оно стояло неподвижно, но в этой неподвижности чувствовалась угроза — как в затаившемся хищнике, который уже выбрал жертву.

— Видели? — прошептал Соколов, его голос дрожал. — Там... что-то есть.

Громов поднял руку, приказывая группе замереть. Он вглядывался в темноту, пытаясь различить детали, но объект словно ускользал от взгляда — его контуры расплывались, будто он существовал не совсем в этом измерении.

А потом оно двинулось.

Не быстро. Не резко. С пугающей, механической плавностью, от которой кровь стыла в жилах. И в этот момент Громов понял: это не робот. Не машина в привычном смысле. Это... страж. Древний, безжалостный, созданный не для защиты, а для уничтожения всего, что посмеет нарушить покой руин.

— Назад! — рявкнул Громов, срываясь на бег. — Всем назад, сейчас же!

Но было поздно.

Из темноты вырвался резкий, пронзительный звук — не вой сирены, а что-то среднее между скрежетом металла и криком, от которого закладывало уши. Свет фонарей снова мигнул, и в тот краткий миг темноты Громов почувствовал, как воздух вокруг него сгустился, будто сама реальность сжалась в кулак.

Когда свет вернулся, коридор был пуст. Ни следа существа. Ни намёка на то, что оно вообще было здесь. Но на стене, прямо напротив места, где оно стояло, осталась глубокая борозда — свежая, блестящая, словно вырезанная только что.

— Что это было? — выдохнул Волков, его пальцы судорожно сжимали оружие.

Громов не ответил. Он смотрел на борозду, и в его голове крутилась единственная мысль: они разбудили то, что должно было спать вечно. И теперь «часовой» вышел на охоту.

Глава 2. «Двери, которые не должны были открыться»

Коридор будто жил своей жизнью. Он не просто вёл — он заманивал. Каждый шаг отдавался эхом, но эхо звучало не позади, а сбоку, будто стены подслушивали и тут же перешёптывались между собой. Бойцы шли плотной группой, стволы смотрели вперёд, пальцы лежали на спусковых крючках, но напряжение уже перерастало в нечто большее, чем обычная боевая настроенность. Это было предчувствие ловушки, от которой не уйти.

Майор Громов шёл первым, и каждый раз, когда впереди возникала очередная гермодверь — массивная, отлитая из бронестали, покрытая слоями краски, давно превратившейся в шелуху, — он замедлял шаг, подавал знак остановиться, проверял датчики. Но датчики молчали. Ни движения, ни тепла, ни аномалий. Только фоновый треск помех, похожий на шёпот сквозь зубы.

А потом дверь начинала двигаться.

Не со скрежетом, как положено проржавевшему металлу, не с натужным стоном, а плавно, почти изящно — будто её открывали изнутри невидимой, но уверенной рукой. Щель расширялась ровно настолько, чтобы пропустить группу по одному, не давая возможности проскочить в два ряда. И как только последний боец пересекал невидимую черту, створки сходились с глухим, тяжёлым лязгом, от которого вибрировал пол.

— Это не автоматика, — тихо, сквозь зубы, процедил сапёр Волков, прижимая ладонь к ещё тёплой после закрытия двери поверхности. — Автоматика так не делает. Она либо срабатывает, либо нет. А это... это как будто нас считают. По головам.

Лейтенант Соколов нервно дёрнул плечом, поправил гарнитуру, будто надеялся услышать хоть какой-то голос из штаба, но в эфире царила мёртвая тишина — не та, что бывает при потере связи, а какая-то густая, плотная, словно кто-то намеренно глушил все частоты.

— Двигаемся дальше, — коротко бросил Громов, не оборачиваясь. — Держим строй. Никаких отставаний.

Следующий коридор был уже предыдущего, а потолок — ниже, будто бункер сжимался, выдавливая непрошенных гостей. В воздухе стоял запах, который невозможно было спутать ни с чем: озон, как после сильной грозы, смешанный с пылью, которая, казалось, оседала на языке горьким привкусом. И ещё — металлический оттенок, тяжёлый, вязкий, будто где-то рядом текла не вода, а расплавленный страх.

И снова дверь.

Она открылась ещё до того, как группа подошла вплотную. Плавно, бесшумно, с едва уловимым движением воздуха, как будто за ней кто-то стоял и ждал.

На этот раз Громов остановился в шаге от проёма, поднял кулак — сигнал «стоп». Он взгляделся в темноту за дверью, пытаясь выцепить хоть какую-то деталь, но тепловизор выдавал лишь хаотичные полосы помех, а обычный свет фонарей терялся, будто его поглощали стены.

— Карпов, — тихо позвал майор. — Дай мне сектор.

Снайпер выдвинулся вперёд, присел, выставил ствол в проём, сканируя пространство короткими, резкими движениями. Его лицо было неподвижным, но в глазах читалось то, что он не хотел произносить вслух: здесь что-то было. Что-то, что умело прятаться от приборов.

Группа вошла.

Комната, в которую они попали, была не похожа на остальные. Никаких труб, никаких щитков, никаких следов былой инфраструктуры. Только гладкий пол, выложенный плитами с незнакомыми символами, и стены, уходящие вверх в полумрак. В центре помещения находился круглый постамент, на котором покоился массивный диск из тёмного металла — не ржавого, не потускневшего, а будто только что выкованного. На его поверхности мерцали тонкие линии, складываясь в узоры, которые менялись каждую секунду, словно пытались что-то сказать.

— Не трогать, — резко бросил Громов, заметив, как Волков потянулся к диску. — Даже не дышите на него.

Но было поздно.

В тот момент, когда пальцы сапёра оказались в сантиметре от поверхности, диск вспыхнул холодным, мертвенным светом. Линии на нём сложились в единый символ — и в ту же секунду все двери в помещении одновременно закрылись. Не с лязгом — с тихим, почти вежливым щелчком, от которого по коже пробежал ледяной озноб.

А затем пол под ногами дрогнул.

Это было не землетрясение, не обвал — это было движение изнутри, будто сам бункер вздохнул, осознав, что в его сердце проникли чужаки. Из щелей между плитами пополз густой, белёсый туман, пахнувший озоном и чем-то ещё, чем-то древним и чуждым. Он стелился по полу, обволакивая ботинки, поднимаясь всё выше, пока не скрыл ноги бойцов.

— Отходим! — рявкнул Громов, разворачиваясь к ближайшей двери. — Сейчас же!

Но дверь не поддавалась. Ни на миллиметр. Она стояла намертво, будто её никогда и не существовало. Датчики на стенах ожили, замигали тревожными огнями, и из скрытых динамиков раздался звук — не голос, не речь, а низкий, вибрирующий гул, проникающий прямо в кости.

И в этом гуле, сквозь помехи и искажения, можно было различить одно слово, повторяющееся снова и снова: «Нарушители».

— Нас не просто пустили, — прошептал Соколов, его голос дрожал. — Нас завели.

Громов сжал кулаки, вглядываясь в темноту, где туман уже начал сгущаться в неясные очертания. Что-то двигалось там, за пеленой, что-то большое и безмолвное, и оно явно не собиралось их выпускать.

Из тумана выступила фигура.

Без лица. Без черт. Просто силуэт из тёмного металла, гладкий, лишённый лишних деталей, но в его неподвижности чувствовалась смертельная угроза. «Часовой». Тот самый страж, о котором говорилось в старых легендах, которые все считали выдумкой. Он стоял, не двигаясь, но казалось, что он уже знает каждое их движение, каждую мысль, каждый страх.

— Огонь! — крикнул Громов, срываясь на бег. — Огонь по цели!

Очереди ударили в пустоту, но пули не достигали цели — они словно растворялись в воздухе за метр до фигуры. А «часовой» медленно поднял руку — не угрожающе, не резко, а с пугающей, механической точностью.

И тогда Громов понял: они не охотники. Они — добыча. И бункер только начал свою игру.

Глава 3. «Часовой: силуэт в темноте»

Центральный зал был не просто большим — он был *пугающе* большим. Пространство, лишённое привычных ориентиров, размывало чувство масштаба: казалось, что стены находятся то ли в десяти метрах, то ли в ста. Потолок терялся во тьме, будто его и вовсе не существовало, а пол был выложен идеально ровными плитами, на стыках которых мерцали тонкие, едва заметные линии — словно вены под кожей.

В самом центре зала, точно в фокусе этого неестественного пространства, стояла фигура.

Безликая. Без опознавательных знаков. Без единого болта или шва, которые могли бы выдать в ней механизм. Она напоминала статую, отлитую из чёрного сплава, который не просто поглощал свет — он *пожирал* его. Когда луч фонаря капитана Громова скользнул по корпусу, свет не отразился, не дал блика, не рассыпался искрами. Он просто исчез, будто металл был не металлом, а дырой в реальности.

— Не светите на него! — рявкнул Громов, сам не зная, почему это прозвучало как приказ, а не как просьба. Но что-то внутри подсказывало: свет для этой штуки — не просто видимость. Это сигнал.

Но было уже поздно.

В тот миг, когда свет коснулся тёмного корпуса, фигура шевельнулась.

Это не был механический шаг, не скрип сервоприводов, не лязг шестерёнок. Движение было пугающе плавным, почти текучим, как если бы тень вдруг обрела плоть и решила сделать первый шаг по земле. Фигура оторвала ногу от пола — без усилия, без напряжения, — и опустила её в новом месте. И этот единственный шаг прозвучал громче любой очереди: глухой, тяжёлый удар, от которого завибрировали плиты под ботинками бойцов.

— Огонь! — крикнул Громов, срываясь с места, уводя группу в сторону, к нише в стене, которая казалась хоть каким-то укрытием.

Очереди ударили в темноту, разрывая тишину залпами. Пули врезались в корпус «часового», высекая искры — но не оставляли вмятин. Они отскакивали, рикошетили, падали на пол, звеня, как пустые обещания защиты. А механизм даже не дрогнул. Он просто... повернул корпус. Без шеи, без суставов — будто весь его силуэт плавно перетёк в новое положение, чтобы смотреть прямо на Громова.

И в этот момент майор понял: перед ними не робот. Не машина с программой. Перед ними был *охотник*. Идеальный, холодный, расчётливый. Он не реагировал на агрессию — он её *предсказывал*.

— Разбегаемся! — крикнул Громов. — Не стойте кучно!

Бойцы рванули в разные стороны, кто-то нырнул за остатки оборудования, кто-то метнулся к боковым проходам. Но «часовой» не бросился ни за одним из них. Он не делал резких движений. Он просто *знал*, где они будут.

Снайпер Карпов, укрывшийся за бетонным выступом, прицелился, задержал дыхание, поймал в перекрестье силуэт — и в ту же секунду почувствовал, как воздух перед ним сгустился. Что-то мелькнуло — не видно, не слышно, но ощутимо, как удар ветра. Пуля ушла в молоко, а Карпов ещё не успел осознать, что промахнулся, как из темноты вырвалась тонкая, острая полоса металла — не клинок, не лезвие, а продолжение самого механизма, выросшее из его корпуса, словно тень обрела форму.

Волков, пытавшийся активировать переносной генератор помех, замер, увидев, как «часовой» уже стоит в трёх метрах от него — хотя секунду назад был в центре зала. Сапёр поднял глаза, и в этом взгляде не было ни злобы, ни эмоций — только абсолютная, ледяная уверенность в том, что добыча уже не уйдёт.

Громов видел всё это краем глаза, одновременно пытаясь вывести группу из-под удара. Он кричал, махал руками, указывал направления, но каждый его приказ словно наткнулся на невидимую стену. Система бункера глушила связь, коридоры искажали звук, а «часовой» двигался так, будто знал все их планы ещё до того, как они их придумали.

А потом зал погрузился в полную темноту.

Не просто погас свет — исчезла сама возможность видеть. Фонари, тепловизоры, приборы ночного видения — всё разом отключилось. И в этой абсолютной, давящей тьме раздался звук, который заставил кровь застыть в жилах: не скрежет, не вой, а тихий, ритмичный шаг. Один. Второй. Третий. И каждый следующий — ближе.

— Не двигайтесь, — прошептал Громов, хотя сам едва сдерживал желание броситься вперёд, лишь бы не стоять и не ждать. — Не издавайте ни звука.

Тишина повисла в воздухе, густая, как смола. И в ней, сквозь собственное дыхание и стук сердца, майор услышал ещё один звук — не шаг, а что-то вроде лёгкого выдоха, будто механизм *принюхивался* к их страху.

А затем свет вспыхнул снова — резко, ослепительно, как удар молнии.

«Часовой» стоял в центре, ровно там, где и был. Но теперь рядом с ним, на полу, лежал Волков — неподвижный, с неестественно вывернутой рукой и пустым взглядом, в котором застыл последний вопрос: «Как он оказался здесь?»

Громов сжал кулаки, чувствуя, как реальность ускользает сквозь пальцы. Они думали, что пришли сюда, чтобы что-то найти. А на самом деле — они стали частью чужого плана. И «часовой» только начинал охоту.

Глава 4. «Охота начинается»

В центральном зале время перестало быть линейным. Оно раскололось на осколки — на доли секунды, в которых решалось, кто останется жив, а кто навсегда растворится в этой мёртвой тишине.

«Часовой» атаковал без предупреждения, без театрального рывка — он просто *переместился*. Не побежал, не прыгнул, а будто пространство само подстроилось под него, позволив оказаться там, где его не ждали.

Волков упал первым. Ещё мгновение назад он пытался активировать модуль глушения, его пальцы бегали по кнопкам, губы шептали проклятия на фоне треска помех — и вдруг он просто исчез из прицела Карпова. А потом появился снова — уже на полу, с неестественно вывернутой шеей, взгляд застыл на чём-то, чего никто другой не успел увидеть.

— Волков! — крикнул Громов, но голос утонул в гуле, который вдруг наполнил зал: низкий, вибрирующий звук, будто сами стены начали дышать.

И тогда «часовой» сделал то, что страшнее любой атаки: он замер. Стоял посреди зала, чёрный, безликий, поглощающий свет, и в этой неподвижности было больше угрозы, чем в любом броске. Он не смотрел — он *сканировал*. Он считывал напряжение в мышцах, дрожь пальцев, микродвижения зрачков. Он знал, кто сейчас нажмёт на спуск, кто сделает шаг, кто дрогнет первым.

— Не стреляйте без команды! — рявкнул Громов, хотя сам едва сдерживал желание выпустить весь магазин в эту неподвижную тень. — Он использует нашу агрессию против нас!

Но сдержать инстинкт оказалось невозможно.

Лейтенант Соколов, стоявший у боковой ниши, не выдержал. Его очередь ударила в корпус «часового», пули высекали искры, рикошетили, впивались в стены, высекая бетонную крошку. Но механизм даже не шелохнулся. А потом, когда магазин щёлкнул на сухую, «часовой» чуть повернул корпус — не головой, не шеей, а всем силуэтом, как будто сама тьма изменила форму.

Соколов понял свою ошибку на долю секунды раньше, чем это случилось. Он увидел, как из гладкой поверхности корпуса выдвигается тонкая, острая пластина — не лезвие, не клинок, а продолжение механизма, идеально заточенное, словно игла из чёрного металла. Движение было настолько быстрым, что глаз едва успевал его зафиксировать: размытый след в воздухе, свист рассекаемого ветра — и Соколов осел на пол, прижимая ладонь к груди, из-под которой медленно расплзлось тёмное пятно.

— Нет! — Громов рванулся вперёд, но Карпов схватил его за рукав, удерживая от самоубийственного рывка.

— Он ждёт этого! — прошипел снайпер, его лицо было белее мела, но взгляд оставался острым, расчётливым. — Он *хочет*, чтобы мы бежали к ним. Он просчитывает траектории. Каждый наш шаг для него — как открытая карта.

Громов стиснул зубы, чувствуя, как адреналин жжёт вены, заставляя тело требовать действия, любой ценой. Но он был командиром. И сейчас его главная задача была не победить — а сохранить тех, кто ещё мог выжить.

— Отходим к северному коридору! — скомандовал он, указывая на узкий проход, едва заметный в полумраке. — По одному, зигзагом, не по прямой! Карпов, прикрываешь. Волков... — он запнулся, на мгновение прикрыв глаза, — Волков уже не поможет.

Они двинулись — не бегом, а короткими, рваными перебежками, постоянно меняя направление, пытаясь сбить систему предсказания «часового». Но механизм не нуждался в наблюдении. Он *чувствовал* их.

Когда Карпов сделал третий шаг, он вдруг остановился, будто налетел на невидимую стену. Его зрачки расширились, он резко развернулся, вскидывая винтовку — но опоздал. «Часовой» уже был там, куда снайпер собирался шагнуть. Он двигался не по прямой, а по дуге, по траектории, которую человеческий мозг просто не успевал просчитать. Его движение было похоже на танец хищника — плавный, смертоносный, идеально выверенный.

Карпов успел выстрелить — один раз, навскидку. Пуля ушла в потолок, высекая сноп искр. А затем механизм выбросил руку — не с силой, а с пугающей точностью. Удар пришёлся не в грудь, не в голову, а в запястье, ломая кость с сухим хрустом. Винтовка выпала из ослабевших пальцев, покатила по полу, и в этот момент «часовой» сделал ещё один шаг — теперь уже к Громову.

Майор почувствовал, как воздух перед ним сгущается, будто реальность сжимается в точку. Он вскинул автомат, нажал на спуск — но очередь ушла в сторону, потому что в последний миг он сам дёрнулся, пытаясь увернуться от удара, которого ещё не было. Механизм *заставил* его двигаться так, как было нужно ему.

— Назад! — крикнул Громов, отступая к проходу, таща за собой раненого Соколова. — В коридор! Сейчас же!

Они ввалились в узкий проход, и Громов на секунду позволил себе надежду: здесь «часовой» не сможет развернуться, здесь его преимущество в скорости и манёвренности будет сведено к минимуму. Но надежда разбилась о глухой лязг металла: за их спинами с оглушительным грохотом опустилась массивная гермодверь, отрезая путь назад.

А впереди коридор уходил в темноту, и в этой темноте что-то мерцало — тонкие линии на стенах, похожие на вены, начали пульсировать тусклым, мертвенным светом. Система бункера не просто закрывала выходы — она *вела* их. Туда, куда хотела.

Соколов застонал, его лицо исказилось от боли, но он попытался улыбнуться — криво, сквозь стиснутые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.